

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ НАЧАЛА И КОНЦА СЛОВА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Об изменении звуков в начале и в конце слова в различных уральских языках написано довольно много. Казалось бы, нет смысла вновь поднимать известную почти каждому финно-угроведу тему. К сожалению, все описания ограничиваются констатацией того, что было и что позднее стало. Однако разнообразные и многочисленные изменения подчинены определенным универсальным законам, отдельные явления связаны определенной взаимозависимостью, которая и привлекает внимание автора данной статьи.

В настоящее время широко распространено мнение, что в уральском праязыке в начале слова звонких согласных не было. Стремясь доказать это, многие финно-угроведы не идут дальше констатации факта. Между тем не меньший интерес представляет установление причин данного явления.

Начнем с доводов типологического порядка. В отдельных языках мира чаще всего в начале слова встречаются как глухие, так и звонкие согласные. Нет непреложного закона о наличии в языках или только звонких или только глухих анлаутных согласных. Поэтому выравнивание анлаутных согласных по одному признаку уже наводит на мысль о том, что здесь скрыта какая-то особая причина, вызвавшая это, по существу аномальное явление.

Может быть, причина лежит в строе языка, скажем, в особенностях аналитического строя? Такой довод сравнительно легко опровергает существование агглютинативных языков, например татарского, имеющих звонкие начальные согласные: эта их особенность не наносит ущерба самому аналитическому строю.

Нам представляется, что основной причиной отсутствия звонких согласных в начале слова является наличие сильного экспираторного удара на первом слоге, которое было типичным для уральского праязыка. Импликативная связь, т. е. взаимозависимость между сильным экспираторным ударением и отсутствием звонких согласных в начале слова, уже отмечена в специальной языковедческой литературе. «Основной особенностью фонетики германских языков, — пишет В. М. Жирмунский, — является сильное экспираторное ударение на первом (корневом) слоге. Сильное экспираторное ударение вызвало соответственное ослабление смычки и тем самым, с одной стороны, передвижение глухих смычных в придыхательные, с другой — потерю звонкости (связан-

ную с таким же ослаблением смычки голосовых связок) и переход звонких смычных в слабые (частично полувзвонкие) и глухие.»¹

Глухое начало слова действительно может быть связано с наличием сильного динамического ударения на первом слоге, примером чего служат финский, эстонский, хантыйский и мансийский языки. Любопытно, что почти все субстратные гидронимы на территории Европейской части СССР имеют глухое начало и ударение на первом слоге, ср. *Кузенга*, *Параньга*, *Совда*, *Талзанга*, *Шарденьга* и т. п. Это также подтверждает наличие закономерной связи между динамическим ударением на первом слоге и только глухими согласными в абсолютном начале слова.

Таким образом, механизм рассматриваемого явления довольно прост. Если представить первый слог как сегмент слова, то сильное экспираторное ударение на этом сегменте создает участок напряжения. Ударение не способствует ослаблению затвора, вследствие чего звонкие согласные в начале не образуются. В этом смысле мы не согласны с В. М. Жирмунским, который рассматривал оглушение начальных звонких смычных в германских языках как результат их ослабления.

Сонанты *r*, *l*, *m*, *n*, *ŋ*, *ɫ*,² как известно, в начале слова в уральских языках допускаются, что, по-видимому, объясняется тем, что они приближаются к гласным и очень редко имеют глухие соответствия.

Наличие глухих согласных в начале слова имело в уральских языках определенные последствия. Во-первых, оно сильно сокращало фонемный инвентарь языка, общий объем дистинктивных средств. Необходимы были средства, компенсирующие эту ущербность языковой системы. Таким средством стал расширенный объем корня слова. В уральском праязыке непроизводная основа (корень) состояла в большинстве случаев из двух слогов, хотя полностью не исключено существование односложных основ, особенно в области местоимений. Типологически это уже аномалия, если учесть, что в языках мира в абсолютно преобладающем числе случаев корень не распространяется дальше одного слога.

Для агглютинативных языков, допускающих цепочки суффиксов, это вообще роскошь. Но в уральском праязыке действовал закон: чем беднее фонемный инвентарь, тем длиннее слово. Этот закон хорошо подтверждают финский и гавайский языки, имеющие длинные слова при относительно скудном фонемном инвентаре.

История различных уральских языков свидетельствует о том, что это состояние языка оказалось недостаточно устойчивым, опять-таки по определенным причинам.

Во всех языках мира, за исключением языков с явным преобладанием односложных слов, действует закон, по которому количество звуков, несущих информацию, с течением времени сокращается. Это легко показать на примере древнегреч. *potamós* 'река'. В некоторых диалектах новогреческого языка это слово приняло форму *potám*. Объем звуков, несущих информацию, явно сократился. Пяти звуков оказалось вполне достаточно.

Данный закон хорошо объясняет, почему конец слова в самых различных языках мира подвергается фонетическому разрушению, тогда как начало подвержено такому разрушению в значительно меньшей степени, поскольку несет главную информацию.

В результате действия этого универсального закона второй слог двусложного корня в уральских языках начал подвергаться ослаблению, первой ступенью которого стало сужение гласных. Процесс этого суже-

¹ В. М. Жирмунский, Диалектология немецкого языка, Москва—Ленинград 1956, стр. 332.

² Обычно *v*, *j*.

ния начался еще в уральском праязыке. «В непервых слогах финно-угорского праязыка, — замечает В. И. Лыткин, — гласные в своем употреблении были ограничены: встречались только краткие *a*, *ä* и *e* (по мнению некоторых языковедов, также *ę*)».³

Следовательно, первоначальный инвентарь гласных второго слога корня уже в праязыке довольно сильно изменился. Наиболее устойчивым оказывался *a* как наиболее открытый. Сужение гласных второго слога в дальнейшем продолжалось в отдельных уральских языках. Конечный *e* основы в прибалтийско-финский период изменился в *i*, ср. фин. *tuli* 'огонь', род. п. ед. ч. *tule-n*, *lumi* 'снег', *lume-n*. Можно также предполагать, что подобное сужение происходило в истории пермских, мордовских и марийского языков, ср. удм. *лымы* 'снег' и фин. *lumi*.

Палатализованные согласные в ряде мордовских слов, например, *ked* 'рука', *kel* 'язык', *ver* 'кровь' и т. д., также свидетельствуют о том, что отпавший конечный гласный был узким гласным переднего ряда, скорее всего *i*.

Вторым этапом разрушения конца слова стала редукция гласных второго слога. Можно предположить, что некоторые уральские языки, например, пермские, марийские, обско-угорские и отчасти мордовские, переживали такой период, когда конечные гласные корня превращались в редуцированный гласный неопределенной артикуляции. Как известно, нечто подобное происходило и в германских и романских языках. В тот период, по всей видимости, в ряде уральских языков произошло озвончение интервокальных глухих смычных и спирантов, ср. коми-зыр. *коз* 'ель', эрз. *куз* из **kosə*, **kusə*; венг. *kéz* 'рука' из **kete* > **kede* > **kedə* > **kezə*; *víz* 'вода' из **vete* > **vede* > **vedə* > **vizə*; мар. *коž* 'ель' из **kosə* > **kozə* > *kožə*.

Озвончение интервокальных глухих согласных наблюдается в различных языках мира. Это типичное явление ассимиляции. Если согласный — глухой, то окружающие его гласные стремятся придать ему звонкость, поскольку после произношения первого гласного голосовые связки продолжают немного вибрировать и тем самым способствуют превращению глухого согласного в звонкий.

Однако озвончение интервокального глухого согласного в этих условиях может и не произойти, если гласный второго слога корня не редуцируется, ср. фин. *osa* 'часть', *tasa* 'равный', *kasa* 'куча' и т. д.

Ослабление конечного гласного второго корневого слога в некоторых уральских языках создало благоприятные условия для озвончения интервокальных глухих согласных.

Редуцированные гласные требуют гораздо меньше произносительных усилий, чем гласные полного образования. Ослабление усилий повлекло за собой ослабление предшествующего согласного, выразившееся в большом раскрытии щели затвора и озвончении, что можно наглядно показать на примере эрз. *куз* 'ель': **kuse* > **kusə* > **kuzə* и далее *kuz*. Интересно отметить, что редукция конечных гласных во французском языке также способствовала озвончению интервокальных глухих согласных.

И, наконец, последней ступенью в процессе разрушения гласного второго слога стало его полное исчезновение, наблюдаемое в ряде современных уральских языков, ср. коми-зыр. *коз* 'ель' при фин. *kuusi*; коми-зыр. *кыв* (< *кыл*), удм. *кыл* 'язык', фин. *kieli*; эрз. *сан* 'жила', фин. *suoni*; марЛ *укиш* 'ветвь', фин. *oksa*; марЛ *лум* 'снег', фин. *lumi* и т. д.

³ В. И. Лыткин, О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — СФУ IV 1970, стр. 221.

Образовавшиеся после отпадения конечного гласного группы согласных чаще всего подвергались упрощению, ср. фин. *keski* 'средний', коми-зыр. *kos* 'поясница' < *kosk*; фин. *silmä* 'глаз', коми-зыр. *син* < *синм* < *силм*; фин. *sarvi* 'рог', марЛ *шур*.

Таким образом, в результате всех этих процессов, связанных с разрушением конца слова, в ряде уральских языков первичный двусложный корень был сокращен до одного слога. Это явление также вызвало различные последствия.

Во-первых, при сохранении ударения на первоначальном слоге и сведении корня слова к одному слогу усилился участок напряжения. Раньше за сегментом напряжения следовал сегмент его разрядки, поскольку второй корневой слог не имел ударения. Позднее все сосредоточилось на одном слоге. Степень напряжения усиливалась, если первый слог содержал исконный долгий гласный. В некоторых уральских языках наметилась сильная тенденция к ослаблению участка напряжения на первом слоге. Прежде всего она выразилась в стирании различий между долгими и краткими гласными. В пермских, мордовских и марийском языках различие по долготе и краткости утратилось. Произошло это как раз в тех языках, где конец слова особенно сильно разрушился. В пермских языках отпадение конечных гласных вызвало сужение гласных в корне слова. Гласные звуки первого слога в пермских языках более высокого подъема, чем соответствующие звуки в других финно-угорских языках, ср. коми-зыр., удм. *мыс* 'печень', фин. *maksa*; коми-зыр., удм. *сюр* 'рог', фин. *sarvi*; коми-зыр., удм. *вир* 'кровь', фин. *veri* и т. д.

По мнению В. И. Лыткина, сужение гласных первого слога могло протекать в процессе компенсационного удлинения: *toto* > *tôt* > *tôt*, т. е. отпадение конечного гласного, удлинение оставшегося гласного, а затем уже сужение его.⁴

Сужение гласных в то же время характерно для марийского языка. Пропуск этот в истории марийского языка носит системный характер и касается всех гласных неверхнего подъема.⁵ По-видимому, он также связан с утратой конечного гласного, ср. фин. *peni* 'собака', марЛ *ний*; фин. *oksa* 'ветвь', марЛ *уки* и т. д.

Значительные изменения гласного корня по причине отпадения конечного гласного второго корневого слога привели к нарушению гармонии гласных в пермских и марийском языках, что в свою очередь способствовало появлению в некоторых диалектах системы подвижного ударения.

Выше уже говорилось о том, что двусложная структура корня в уральском праязыке в известной степени компенсировала недостаток дистинктивных средств. Разрушение конца слова и сведение корня к одному слогу устранило это компенсационное средство. Для восполнения этой утраты потребовалось увеличение фонемного инвентаря. В начале слова в некоторых уральских языках, например, в пермских и венгерском, появились звонкие согласные. Причем интересно, что звонкие гласные появляются в тех языках, в которых конец слова подвергся наиболее значительному разрушению.

Можно указать еще на один фактор, способствовавший появлению звонких согласных в начале слова. Начало слова — основной носитель информации, поэтому оно должно быть хорошо слышимым. В начале слова предпочтительны звонкие согласные, так как глухие по сравне-

⁴ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми-языка, Сыктывкар 1957, стр. 82.

⁵ Л. П. Грузов, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола 1969, стр. 126, 127.

нию с ними менее слышимы. Наличие только глухих согласных в начале слова представляло собой известный коммуникативный недостаток.

В финно-угроведении неоднократно затрагивался вопрос об источниках начальных звонких согласных в венгерском и пермских языках. Даже специальные исследования ставили целью определить закономерности, вызвавшие озвончение. Так, В. Штейниц предполагал, что в пермских и в венгерском языках звонкие согласные внутри слова возникли в результате деназализации консонантных групп *mp*, *nt*, *mt*, а также *ŋk*. Образовавшиеся таким образом звонкие согласные *b*, *d*, *g* проникли в начало слова.⁶

Д. Лако пытается внести в эту гипотезу некоторые уточнения. По его мнению, звонкий согласный внутри слова, например *d*, не мог возникнуть непосредственно в результате деназализации *n* в группе *nt*. Скорее всего процесс шел таким образом: *nt* > *nd* > *d*. Кроме того, звонкий согласный в начале слова мог возникнуть и независимо от деназализации групп согласных. Для этого достаточно наличия сонорных согласных внутри слова, ср. венг. *domb* 'холм' и манс. *tump* 'остров'.⁷

Наличие *r* и *l* внутри слова могло также способствовать появлению начальных звонких согласных. Д. В. Бубрих считал основным фактором их появления сандхи. Звонкие согласные в начале слова, по его мнению, возникали в результате влияния гласных звуков, а также звонких и сонорных согласных конца предшествующего слова.⁸ Подобные явления в уральских языках действительно наблюдаются, ср. эрз. *од дикше* < *од тикше* 'молодая трава'.

В. И. Лыткин, специально занимавшийся изучением причин появления начальных звонких согласных в пермских языках, пришел к таким же выводам, что и Д. Лако в отношении венгерского языка. В пермских языках больше всего слов с озвончением начального согласного, в середине которых в допермском языке стояли *-nt-* и т. п. (сочетание носового с соответствующим согласным) и *-r-*.⁹ В. И. Лыткин отмечает также, что в пермских языках глухой начальный согласный часто не озвончался согласно закону омонимического отталкивания, т. е. во избежание образования омонимов, ср. коми-зыр. *пур* 'плот' и *бур* 'хороший' и т. д.¹⁰ Имеются единичные примеры на озвончение там, где в середине слова стоял глухой согласный: *гõп* 'озеро', *гыч* 'карась' и т. д.¹¹

Можно априорно утверждать, что установить точные закономерности озвончения начальных глухих согласных в пермских и венгерском языках никогда не удастся. Конечно, здесь действовали факторы, которые в той или иной мере способствовали озвончению, но процесс пополнения фонемного инвентаря — это прежде всего процесс стихийный. Поэтому встречается немало случаев, не имеющих определенной мотивировки.

Возникает закономерный вопрос, почему же в таких языках, как марийский и мордовские, озвончения начальных глухих не происходило, хотя конец слова в этих языках, особенно в марийском, подвер-

⁶ W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. — Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica 1, Stockholm 1952, стр. 16, 22, 34.

⁷ Gy. Lakó, Über die Frage der anlautenden stimmhaften Verschlusslaute in der finnisch-ugrischen Grundsprache. — ALHung. XII 1962, стр. 239, 240.

⁸ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, § 122—123.

⁹ В. И. Лыткин, К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках. — СФУ IV 1968, стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 20.

¹¹ Там же, стр. 22.

гался значительным разрушениям. По-видимому, это объясняется наличием сильно развитого внешнего сандхи, в результате чего в потоке речи возникали звонкие начальные согласные. В ненецком языке эту потребность уменьшало наличие довольно большого количества длинных слов, а в обско-угорских, где конец слова подвергался довольно заметному разрушению, глухое начало сохранилось как пережиток прошлого языкового состояния.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что изучение истории изменения структуры корня в уральских языках является центральной проблемой сравнительно-исторической грамматики уральских языков. Исторические судьбы корня слова наложили глубокий отпечаток на фонетический строй западных и восточных уральских языков. В тех языках, где структура корня подвергалась более интенсивным изменениям, сохранялись древние аффрикаты и шипящие спиранты. Наоборот, в тех языках, где сохранялась двусложная структура корня, значительно обеднялся фонемный инвентарь.

Исчезновение аффрикат и шипящих спирантов в финском языке стало результатом действия различных фонетических процессов. Но благодаря наличию двусложной структуры корня эти процессы совершались значительно быстрее и приводили к более радикальным изменениям.

До сих пор нами рассматривались конечные звуки слова, не имеющие функциональной нагрузки, которые в самых различных языках с течением времени утрачиваются. Несколько иначе ведут себя конечные звуки, имеющие определенное значение, например суффиксы. Они оказывают заметное сопротивление фонетическому разрушению. Примером здесь может служить показатель множественного числа *-t* во многих уральских языках, ср. фин. *talo* 'дом', мн. ч. *talot*, эрз. *кудо* 'дом', мн. ч. *кудот*, манс. *hul* 'рыба', мн. ч. *hult* и т. д.

Это, конечно, не значит, что функционально нагруженный конечный звук, оказывающий определенное сопротивление фонетическому выветриванию, совершенно не подчиняется действию универсального закона разрушения конца слова. В истории уральских языков известны случаи, когда суффиксы с течением времени утрачивались. Предполагают, что в пермских языках исчез суффикс латива *-k*, хотя он и имел определенную функциональную нагрузку. В этой области также действуют интересные закономерности. В языках существует тенденция делать суффикс более слышимым. В борьбе с тенденцией к разрушению конца слова может оказаться устойчивым только суффикс, содержащий наиболее слышимые звуки. Таковыми могут быть прежде всего гласные, затем сонанты *r*, *l*, *m*, *n*, звонкие аффрикаты и глухой спирант *s*. История различных уральских языков довольно наглядно подтверждает действие этих закономерностей. Суффикс латива *-k* исчез в пермских языках, но в тех уральских языках, где он был защищен конечным более сонорным гласным, он сохранился.

В уральском праязыке были *t*-овый локатив и *n*-овый локатив. *t*-овый локатив оказался менее конкурентноспособным и исчез во многих уральских языках, тогда как *n*-овый локатив, содержащий более слышимое *n*, сохранился значительно лучше.

Личное окончание 2-го л. ед. числа глаголов в большинстве уральских языков имеет форму *-t*, ср. марЛ *tūналат* 'ты начинаешь', эрз. *морат* 'ты поешь', фин. *annat* 'ты даешь' и т. д. Глухой согласный *t* плохослышим. Поэтому в некоторых уральских языках он был заменен более слышимым *n*, ср. коми-зыр. *муна-н* 'ты идешь', хант. *хашт-ын* 'ты пишешь', южноманс. *вара-н* 'ты делаешь', нен. *манзара-н* 'ты работаешь'. В удмуртском конечный *t* подвергся озвончению, ср. *мыно-д* 'ты пой-

дешь', в эстонском он превратился в полувзвонкий *d*, ср. *hakkad* 'ты начинаешь' и т. д.

Все эти факты свидетельствуют о том, что изменение звуков в начале и конце слова в уральских языках подчинены универсальным законам.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ÜBER EINIGE GESETZMÄSSIGKEITEN DER LAUTVERÄNDERUNGEN IM AN- UND AUSLAUT DER URALISCHEN SPRACHEN

Der Verfasser versucht zu zeigen, daß die mannigfaltigen Lautveränderungen im Anlaut und Auslaut der uralischen Sprachen nicht chaotisch geschehen, sondern regulären universalen Gesetzen untergeordnet sind.

Wie bekannt, fehlten die stimmhaften Konsonanten im Anlaut in der uralischen Grundsprache. Diese Erscheinung hing davon ab, daß die starke dynamische Betonung auf der ersten Silbe die Bildung stimmhafter Konsonanten im Anlaut verhinderte. Infolgedessen war das Phonemsystem der uralischen Grundsprache in gewissem Maße begrenzt. Dieser Mangel wurde durch die zweisilbige Struktur der Wortwurzel kompensiert, die die distinktiven Möglichkeiten der Sprache wesentlich vergrößerte.

Laut dem Gesetz der phonetischen Reduktion des Auslauts wurde die zweisilbige Struktur der Wurzel in den meisten uralischen Sprachen allmählich zerstört. Die erste Stufe dieser Reduktion war die Verengerung der Endvokale. Die Zerstörung der zweiten Silbe der Wurzel fand besonders intensiv in den östlichen uralischen Sprachen statt. Diese Zerstörung begünstigte solche Prozesse wie die Reduzierung und den vollkommenen Schwund der Endkonsonanten, die Verwischung der Quantitätsdifferenzen der Vokale, das Stimmhaftwerden der intervokalen Konsonanten usw. Die Verkürzung der zweisilbigen Wurzel zu einer Silbe hatte eine sekundäre Verlängerung und spätere Verengerung der Wurzelvokale in den permischen Sprachen und teilweise im Marischen zur Folge. Dadurch kann auch der Schwund der Vokalharmonie in diesen Sprachen erklärt werden. Die Verminderung der distinktiven Möglichkeiten hat in den permischen Sprachen wie auch im Ungarischen das Aufkommen der stimmhaften Anlautklusile hervorgerufen.

Für die Suffixe waren ganz andere Gesetzmäßigkeiten charakteristisch. Die Suffixe haben eine funktionelle Belastung. In allen Sprachen gibt es für die Suffixe eine Tendenz, mehr hörbare Laute auszuwählen. Nur solche Suffixe leisteten den Lautveränderungen Widerstand, die aus sonoren Lauten bestanden.